

Всего два слова — а как будто всю компанию подвесили в воздухе, и никто не может выдохнуть. Если и вправду приближается тайфун, если поднимается драконья сила — лунци, — об этом доложат деревенскому старосте, а он, в свою очередь, сообщит чиновнику уезда. Тогда всё рыбацкое селение получит распоряжение срочно вытаскивать лодки на берег, укрываться и готовиться к бедствию. Тут уж не до шуток.

Но в то же время среди людей моря даже мальчишки с ранних лет знали: такие вещи не решаются по чьему-то одному слову. В случае сомнений непременно созываются все старейшины, и решение принимается коллективно. Один лишь Шестой Дядя-гун не имел права говорить подобное вслух — преждевременно, без согласия совета.

Тем не менее, он задал Чжун Мину несколько уточняющих вопросов. А Чжун Мин, прекрасно зная, что по его воспоминаниям тайфун придёт раньше, чем сумеют распознать даже опытные старейшины, и что именно это промедление в прошлом стоило Байшуйао множества жизней, — долго не колебался. Он нарочно приукрасил описания подводной обстановки, сделал её тревожнее и пугающей, чем была на самом деле.

Шестой Дядя-гун явно проникся. Ещё долго он стоял на носу лодки, смотрел в небо и в облака, пальцами пересчитывая дни. Лишь тогда Чжун Мин смог хоть немного успокоиться — словно сердце его наполовину вернулось на место.

С моря продувал ветер, и хотя в воздухе ещё стояла тяжёлая сырость, свежий поток был настолько силен, что одежда на теле успевала подсохнуть. К тому моменту, как рубаха высохла наполовину, в сетках для медуз, сделанных из травы и подвешенных к кольям, улова уже стало так много, что он плотно заполнил ячейки — пора было приступать к сбору.

Чжун Мин вновь перехватил волосы, собрал их в хвост и взял с лодки один из сачков, прикреплённых к длинному бамбуковому шесту. Подошёл ближе и вместе со всеми начал вычерпывать медуз.

На каждой лодке к этому времени выделили по три человека для сбора. Семья Чжун Шоуцая в этот раз не выпускала в море своей лодки, как и семья Чжун Мина, поэтому он, как и Чжун Мин, прыгнул на борт лодки семьи Тан и принялся помогать.

Говорят ведь: ловля медуз — дело изнурительное. И правда — мало того, что забивание кольев требует сил, так ещё и сам вылов — не легче. Медузы здесь не просто большие — они буквально наполнены водой. Крупные особи легко весят под сотню цзиней (более пятидесяти килограммов). За один раз такую не вытащить. Приходится прямо в сетке разрубать её на две части — голову-«зонтик» и тело с щупальцами — и поднимать в лодку по очереди.

Кроме того, обязательно выделяется один человек, который сидит внутри лодки и сортирует улов. Перед ним стоят деревянные бочки и тазы — в одни складываются головные части, в другие — щупальца. Так удобнее будет, когда придёт время доставить всё на берег и переработать.

Если задержаться хоть немного, медузы начнут таять, превращаясь в мутную лужу, и тогда весь труд пойдёт насмарку.

С одного выхода в море несколько лодок от целого рода способны набрать не меньше тысячи цзиней. А сезон ловли медуз длится два месяца. Кто готов трудиться, тот запросто может заработать на пропитание для всей семьи на всю зиму.

— Гляньте, гляньте! У нас тут гигантская попалась!

— А у нас тоже — только что вытянули, вон какая туша! Сегодняшний улов просто сказка!

Полчаса подряд люди сновали над сетями, вылавливая одну медузу за другой, и на лицах у всех сияла радость. Четыре лодки уже были доверху забиты уловом — и видно было, как каждая села в воде: осадка стала куда глубже.

— Не зря отец говорит, что ловля медуз — это как вязать золото соломой! Всё, что успеем продать до Нового года, — ты подумай, сколько серебра получится! - воскликнул Чжун Ши. Он, как и Чжун Мин, впервые вышел в море на ловлю медуз. Правда, если Чжун Мин раньше не ходил, потому что не хотел, то Чжун Ши был ещё слишком мал и слаб, и от него толку на деле было бы немного.

По сравнению с ним, Чжун Мин вёл себя куда спокойнее и увереннее — ни суеты, ни лишних слов.

— Только море — это не мешок с золотом, — спокойно ответил он. — Здесь, чтобы взять, надо уметь. Дальше нас ждёт ещё много работы. Надеюсь, вы, молодые, потом не станете стонать и жаловаться на усталость.

Третий дядя вытер пот, отбросил длинный сачок и громко скомандовал:

— Всё, собираем сети, вытаскиваем колья!

Байшуйао, берег.

— Кузен, смотри, с моря опять лодки возвращаются! Сразу несколько! Это, может, дядя и мой брат? - Чжун Хань стоял на пляже, вытянувшись на носочках, глядя в даль, где над волнами медленно приближались паруса. В руке он сжимал несколько полевых цветков, которые только что сорвал.

Рядом сидел гер из семьи Чжун Чунься по имени Цюэ, он как раз плёл венок из этих же цветов. Они оба были ещё слишком малы, чтобы помогать по хозяйству, и матери их поручили главное — пригляд за младшими.

— Сейчас посмотрю... — Цюэ-гер вскарабкался на прибрежный риф и, взглядевшись, кивнул:

— Похоже, и правда они.

Он соскочил вниз и взял Чжун Ханя за руку:

— Пойдём! Поищем мою маму и сестру, вместе встретим.

Как только два мальчика добежали до нужного места, первое, что они почувствовали, — это жара. На пустынном ранее берегу теперь стояли десятки простеньких навесов из бамбука. Под ними громоздились земляные очаги, на которых были установлены огромные чугунные котлы для варки медуз. Вода в них кипела с шумом, клубы белого пара поднимались вверх, заслоняя лица тех, кто трудился у огня — лица размывались, как в тумане.

Чугунные котлы стоили дорого, да и на лодках у водных людей в них не было особой надобности. Эти котлы были куплены вскладчину — сразу несколькими семьями, и использовались обычно лишь дважды в год: в сезон ловли медуз и во время новогодней готовки.

Места с кипящими котлами были под строгим запретом для детей — если вдруг кто-то оступится, обожжётся, это уже не пустяк, а серьёзная беда. И потому, когда Чжун Чунься увидела приближающихся Тан Цюэ и Чжун Ханя, она тут же вскинула над головой большую шумовку и принялась отчитывать:

— Вы двое чего сюда приперлись?! Живо назад! Тут же пекло!

Тан Цюэ заорал в ответ:

— Мы с берега лодки увидели — показалось, наши плывут, вот и пришли поглядеть!

Чжун Чунься была так занята, что даже не успела глянуть в море. Услышав это, она отложила шумовку и вышла наружу. За ней следом вышла и Тан Ин — старшая сестра Тан Цюэ.

— Ай да, точно! — Чжун Чунься узнала лодку своего мужа, и сразу, не мешкая, принялась отгонять детей подальше.

— А-Цюэ, ты уведи младшего подальше, — строго сказала Чжун Чунься. — Сейчас будем поднимать медуз с лодок, потом варить, некогда будет за вами смотреть.

Но оба мальчишки и слушать не хотели — вертелись на месте, давили пятками песок, пока не выдавили целую ямку. Не унимались, пока Чжун Чунься не смягчилась и не разрешила:

— Ладно уж, стойте вон там, только далеко, чтоб под ногами не мешались. Смотреть можно, подходить нельзя!

Когда лодки пришвартовались и сбросили якоря, вместе с ними вернулись и ещё с десятков других. Все семьи вышли в море почти в одно и то же время, так что и обратно прибыли почти одновременно — боялись, что если опоздать, медузы потеряют свежесть.

Женщины, геры и старики с детьми, кто только мог помочь, тут же бросились к лодкам. Штанины закатали выше колен, готовятся забираться на борт и выгружать улов.

— А-Гуй уже супруга на спину посадил! Глянь на него — улыбается так, что рот до ушей! — раздался весёлый голос из толпы.

У лодок вода глубокая, волны часто набегают, а потому те, кто покрепче и постарше, сами залезают, а уж если кто-то не хочет промочить одежду — тут мужчины выручают. Сильные, с устойчивой походкой, они уверенно шагают по воде. Кто нежно заботится о своём супруге-геры или молодой жене, охотно берёт их на руки или на спину — чтобы и не оступились, и ноги сухими остались. Бывали и другие сцены: сыновья несли матерей, братья — сестёр. Все помогали друг другу, как водится у людей воды.

Цзян Гуй и Лу Юэ только недавно поженились — естественно, в такое время их особенно легко поддеть. Пока Лу Юэ ещё держался спокойно, сам Цзян Гуй уже весь залился краской, словно макнул голову в краску, чем только сильнее рассмешил окружающих.

Тан Дацян тоже сошёл с лодки и понёс на спине Чжун Чунься. Втроём они начали выгружать медуз: как только набиралось достаточно, улов сваливали в бамбуковые корзины. Чжун Мин брал корзины, закидывал на коромысло и относил на берег.

У печи, в одном из навесов, он обратился к Тан Ин, которая отвечала за варку медуз:

— Отойди чуть подальше, берегись брызг от кипятка.

— Хорошо, кузен, ты тоже аккуратнее, — послушно ответила Тан Ин и отступила в сторону, после чего Чжун Мин высыпал в котёл две полные корзины медузых «голов» — чжэ-тоу.

У медузы съедобно практически всё. Только кожу — чжэ-пи — не варят, а сразу солят и обрабатывают квасцами. Все остальные части — голова, внутренности, «мозг» — требуют обязательной варки, иначе не сохранят форму.

Освободив корзины, он снова закинул их на плечо и вернулся к лодке. У печей стояла жарница, а потому, выйдя на ветер, он ощутил почти холодок, свежий бриз будто обтёр его с головы до ног. Чжун Мин выдохнул, готовясь шагнуть дальше, но вдруг почувствовал, как кто-то дёрнул его за одежду.

Он опустил взгляд и увидел улыбающееся лицо младшего брата. Сам невольно тоже улыбнулся:

— Ты как здесь оказался? Нельзя бегать где попало, горячей водой обожжёшься. А где А-Цюэ?

— Кузен, я здесь! — раздался голос, и Цюэ-гер выглянул из-за навеса.

Тан Цюэ подбежал, запыхавшись, и тут же поспешил нажаловаться:

— Малыш, как тебя увидел — так и сорвался с места! Я еле за ним угнался!

Потом он поинтересовался, отец с матерью Чжун Ханя всё ещё на лодке или уже на берегу. Чжун Мин кивнул:

— Эти дни у всех так — неразбериха. Вы с ним не заходите под навесы и в воду тоже не суйтесь. Играйте тут, на берегу, но не бегите далеко. Пока мы вас видим — спокойно. А как только потеряем из виду — придётся бросать всё и идти искать.

Тан Цюэ послушно кивнул и взял Чжун Ханя за руку. Чжун Мин не мог освободить руки, чтобы потрепать брата по голове, и просто развернулся, продолжив путь к лодке.

Когда он снова зашёл в воду, краем глаза заметил впереди по диагонали молодого гера, который тащил на плече коромысло с корзинами и, пошатываясь, с трудом пробирался в сторону лодок. По одежде сразу было видно — ещё не замужем. Около него не было ни братьев, ни родных. Сам он — худенький, щуплый, и стоило волне накрыть ноги, как его начинало покачивать из стороны в сторону. Вокруг было полно людей, и лодок рядом хватало, но никто даже не подумал помочь. Мимо Чжун Мина как раз проходили двое парней из другой семьи. Он услышал, как они вполголоса, с кривыми усмешками, переговариваются, насмехаясь над этим гером:

— А твой отец, слышал, уже сватов нанимает. Почему бы тебе не пойти и не понести это несчастье на своей спине? Ну да, неудача ходячая, зато всё-таки гер, глядишь, начнет сам к тебе в фуланы проситься, да ещё умолять будет со слезами.

— А ты чего сам не идёшь? Вчера же сам рассказывал, будто даже во сне девичью ручку мацал, — захихикал второй. — Видно, прижало тебя всерьёз. Сейчас, если подскочишь, там не только ручку потрогаешь, может, и до другого дотянешься...

Чем дальше — тем грязнее. Слова становились всё непристойнее, шутки — откровенно пошлые. Чжун Мин, шагая мимо, сразу узнал, кто это — сыновья семьи Лай.

Семья Лай и семья Чжун с прошлого поколения недолюбливали друг друга. Эти двое парней — вылитые отцы: хитрые глазки, мелкие черты, мерзкие усмешки. У одного ещё и бородавка на

подбородке — за неё все его звали Лай-У-цзы*. Выглядел он не лучше болотной крысы.

(ПП: у - □ - родинка, бородавка)

Вот же грязь, подумал Чжун Мин. Солнце в зените, люди снуют туда-сюда, а эти прицепились к бедному геру, да ещё и всякое непотребство несут вслух — уши вянут.

Он щёлкнул языком, недовольно цыкнув, и, пользуясь тем, что у него плечи широкие, а руки длинные, резко сдвинул коромысло, которое нёс, так, чтобы конец как следует заехал Лай-Шу-цзы по руке. Тот не устоял, покачнулся и плюхнулся в воду.

Двое болтали с таким азартом, что не заметили, кто именно идёт мимо. И теперь, мокрые и раздосадованные, подняли головы и возмутились:

— Эй, ты чего! Идёшь как слепой, не глядишь, куда прёшь!

— Да, я вот такой: иду, как хочу, — голос у Чжун Мина был холоден и жёсток. — А больше всего терпеть не могу, когда на дороге толкутся шавки. Ну? Есть возражения?

Он обернулся, окинул парней взглядом — в нём не было ни капли дружелюбия.

Чжун Мин был высоким, плечистым, фигура внушительная — не каждый осмеливался с ним спорить. Парни из семьи Лай, сразу узнав его, тут же сглотнули, а головы у них будто сами по себе вжались в плечи. Ни намёка на прежнюю браваду.

Чжун Мин усмехнулся, небрежно, почти с презрением. Идти рядом с такими — только зря тратить зрение. Он снова вошёл в воду, прошёл ещё несколько шагов, и краем глаза заметил: тот самый гер всё ещё тащился вперёд, с трудом переставляя ноги в воде.

Не родня, не близкий — вроде бы и незачем вмешиваться. Но и времени прошло-то чуть-чуть, а бедняга уже дважды грохнулся в воду. Мокрый с ног до головы, промокший до последней нитки, он стал тем самым «утопленником», над которым потешались все вокруг.

Второй раз, когда он поскользнулся, коромысло вылетело из рук, корзина слетела с крючка, волна подхватила её и понесла... прямо к ногам Чжун Мина.

Он не колебался: выставил ногу, остановил корзину, нагнулся, поднял её. Пройдя ещё пару шагов, подобрал и само коромысло. Всё это молча донёс до гера и подал:

— Твоё. Держи крепко.

Гер был весь мокрый, волосы и одежда прилипли к телу, подчеркивая его худобу и незащитность. Пара больших глаз моргнула пару раз, в них — осторожность и робость. Чжун Мин сразу узнал его — это был тот самый гер, которого он видел на лодке семьи Цзян, на том самом свадебном пиру.

— Спасибо вам, — сказал гер, опустив голову, принимая корзину. При этом под его тонкими волосами показался маленький вихор на макушке, светлый, почти выцветший, словно высушенная трава после осени в северных краях. Лёгкий ветер колыхнул его, точно оживил.

Они стояли близко, оба выпрямились в рост, и Чжун Мин с удивлением отметил, что тот гер едва доставал ему до плеча. Такого и вправду можно было бы поднять одной рукой. Неудивительно, что при каждой приличной волне его мотало, как щепку — точно с детства досыта не ел, всё на одних объедках живёт.

И как раз в этот момент взгляд Чжун Мина упал на его левую руку — на мизинце была намотана старая пеньковая тряпка, насквозь промокшая от морской воды.

Обычный человек вряд ли стал бы так заматывать руку без причины. Очевидно, там — рана. И он не мог понять, чем думала Лю Ланьцао, если позволила такому человеку — с травмированной рукой — выходить на тяжёлую работу по разделке медуз. В этой работе ведь сплошная соль, морская вода и квасцы — разве ж это заживёт?

Чжун Мин нахмурился. А ведь вся деревня старается сторониться этого гера. Но отчего именно — он, признаться, так и не понял.

Впрочем... он слишком долго не жил дома. Многие теперь оказалось для него неясным. Хотя, пожалуй, и не особенно нужно было разбираться.

<http://bllate.org/book/13583/1204984>